

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Петербургский институт иудаики

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В XX ВЕКЕ

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург
2006

К ПРОБЛЕМЕ ТЕКСТОЛОГИИ ДАНИИЛА ХАРМСА

За исключением произведений для детей и двух ранних стихотворений, при жизни Хармса не было опубликовано ни одного текста. Рукописи писателя, после его ареста в 1941 году, сохранил его друг, философ Я. С. Друскин и только в 60-х годах стал по мере сил их разбирать и публиковать. На сегодняшний день подавляющее большинство рукописей Хармса оказалось сосредоточено в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), куда их Друскин передал незадолго до смерти.

Что собой представляет сохранившийся архив? С точки зрения текстологии, все рукописи можно условно разделить на две части. Одну составляют несколько авторских сборников (*Случаи*, *«Голубая тетрадь»*. В Альбом, *«Однажды я пришёл в госиздат...»*, цикл квазитрактатов), при публикации которых не возникает особых текстологических проблем, так как сборники, как правило, представляют собой ряд переписанных набело текстов, выстроенных в определённой последовательности. Сюда же можно отнести некоторое количество завершённых произведений, не имеющих исправлений (т. е. «беловые» варианты), маркированных датой или подписью автора, или и тем, и другим.

Другую (и довольно большую) часть составляют автографы, с точки зрения текстологии, проблемные. Это черновики, произведения незавершённые и отвергнутые автором (перечёркнутые или имеющие авторские пометки вроде: «Плохо», «Очень плохо», «Никуда не годится» и т. п.), произведения, завершённые, но не маркированы и поэтому сомнительны; сюда же отнесём дневник, записные книжки и бытовые записки. Хармс имел привычку хранить всё написанное, но при этом редко переписывал свои тексты набело — его творчество не было ориентировано на публикацию.

Ряд текстологических проблем и вопросов о том, как нужно публиковать хармсовские произведения, остаётся до сих пор не решённым, несмотря на то, что в последние десятилетия осуществлено множество разнообразных изданий Хармса. Следует ли соблюдать авторскую орфографию и пунктуацию и в каком объёме?¹ Как в некоторых случаях определить завершённость или незавершённость текста? Включать ли зачёркнутые автором тексты или фрагменты текста в основной корпус произведений или помещать их в комментариях и приложениях?

Моя работа с хармсовским архивом в процессе подготовки исследования поэтики собственного имени в его текстах привела меня, в итоге, к следующим выводам.

---

¹ Об орфографических девиациях, а так же о разных текстологических принципах изданий Хармса см. подробнее Кобринский А. А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда. Том I. — М.: МКЛ №1310, 2000. С. 161–188. (Далее — Кобринский 2000 с указанием страниц).

Черновые автографы дают некоторое представление о творческом поиске имени для персонажа (комментарии к опубликованным текстам не всегда и не так наглядно отражают подобную работу автора). Покажем это на следующих примерах:

*Воронин (вбегая) -
Остановка истории!
Люди бегут по улице!
На Неве стреляют из пушек!
Степанов (подскакивая на стуле) -
Которое сегодня число?
Воронин -
Девятнадцатое марта!
Степанов (падая на пол) -
Проспал! Проспал!*

«Первоначальная фамилия Воронина: Варганов», — сообщает нам комментарий.¹ Однако автограф ясно показывает, что первоначально был *Варанов*, затем Хармс надписал букву *г* и получился *Варганов*, а затем зачеркнул *Варганов* и надписал сверху *Воронин*. Проследив эту трансформацию имени в рукописном тексте, можно приблизительно представлять ход мысли автора: фамилии *Варанов* и *Варганов* рифмуются с фамилией второго персонажа — *Степанов*, однако первая из них немного экзотична для русского языка, а этимологически обе довольно прозрачны (от «варан» и «варган» или «варганить»). *Воронин* — вполне обычная русская фамилия, этимологически многозначна (от «ворон», «ворона», «вороной», «воронок», «воронить» и т. п.) и имеет в частности «квазиисторическое» значение в смысловом контексте миниатюры. Это позволяет автору усилить эффект нелепости события за счёт нарушения читательского ожидания (фамилии *Варанов* и *Варганов* для данного контекста нелепы сами по себе, а *Воронин* обесмысливается уже в контексте).

В рассказе *Упадение (Вблизи и вдали)* обе героини имеют имя *Ида Марковна*. Комментарий: «Имя «первой» Иды Марковны первоначально было: Елена».² В автографе впервые *Ида Марковна* (без исправлений) появляется в следующем эпизоде: «В это время падающих с крыши увидела другая особа, живущая в том же доме, что и Ида Марковна, но только двумя этажами ниже. Особу эту тоже звали Ида Марковна». Таким образом, мы видим, что идея изменить имя приходит одновременно с появлением в тексте второй, одноимённой героини, и, вероятно, одновременно с самой идеей удвоить этого персонажа.

В одном из незавершённых произведений (без названия) Хармс даёт своему персонажу имя *Александр Иванович Дудкин*, заимствуя его из «Пе-

¹ Хармс Д. И. Собр. соч.: В 3 т. Т.2. — СПб.: Азбука, 2000. Далее ссылки на это издание даются: Хармс 2000 с указанием страниц.

² Хармс 2000. С. 385.

тербурга» А. Белого. Комментарий: «В процессе работы над текстом Хармс изменил первоначальные имя и фамилию персонажа — Петр Петрович Токин <...> Важно учесть также, что фамилию Дудкин носит персонаж романа А. Белого «Петербург» — творчество этого писателя, как показал А. Кобринский, внимательно изучалось Хармсом (см.: Кобринский 1999)».¹ На самом деле аналитическая статья Кобринского о влиянии симфоний Белого на творчество Хармса не настолько приблизит читателя к пониманию этого хармсовского наброска, насколько его приблизит хармсовский автограф. Дело в том, что заимствование «чужого» имени в литературе обычно сопровождается аллюзией на прецедентный текст, перенесением в новый текст сюжетной функции этого имени. Сюжет Хармса, как мы видим, не имеет никаких аллюзий на «Петербург»: хармсовский *Александр Иванович Дудкин* узнаёт от приятеля *Валамова* о том, что он выиграл 200 тысяч, но не может их получить, так как он потерял сапоги и штаны и ему не в чем выйти из дома. Заимствование имени персонажа у Белого опять же нарушает читательское ожидание и создаёт бессмыслицу, которой не было в этом наброске, пока автор не решил изменить первоначальное имя, а точнее имена: имя второго персонажа, *Валамова*, первоначально было *Валапов* (комментарий об этом умалчивает). Как показывает автограф, сюжетная линия в наброске первична, а имена персонажей Хармс изменил уже в процессе развёртывания этого сюжета.

Автографы позволяют установить намеренность или случайность вариативности имён персонажей (надо отметить, что эта вариативность также не всегда соблюдается при публикации). Дело в том, что в хармсовской поэтике переименование персонажа — своеобразный приём, который он неоднократно использует. Например, в таких текстах, как *Карьера Ивана Яковлевича Антонова*, «*Андрей Иванович плюнул в чашку с водой...*», *Лапа*, «*Лыкин сидел у окна и курил трубку...*» и др. переименования персонажей имеют определенные смыслообразующие функции: они сигнализируют об изменении состояния или статуса персонажа, о пространственных и временных метаморфозах в тексте и т. п. В других же произведениях вариативность имён персонажей не несёт смысловой нагрузки и, вероятно, является следствием описки. К примеру, в незаглавленном рассказе, начинающемся словами «*Маляр сел в люльку...*» наблюдаются вариации *Камаров/Комаров*, *маляр и моляр*. В *Победе Мышина* фамилии *Калугин* и *Кулыгин* сменяются 6 раз, *Селезнёва* варьируется как *Селизнёва*.

В *Поздравительном шестии*, написанном в спешке (под текстом зачёркнута приписка автора: «Я спешу, и потому, быть может, почерк мой небрежен и слог не ясен», и действительно, кроме этого в начале рассказа почерк мелкий, затем он становится всё крупнее, и под конец — совсем размашистый²) Хармс на протяжении всего текста будто подыскивает имя одному из

¹ Хармс 2000. С. 345. Дается ссылка на книгу: *Кобринский 2000* и, в частности, на главу Андрей Белый и проблемы рецепции символистской поэтики в творчестве обэриутов (С. 31–98).

² Кстати о том, что Хармс придавал почерку большое значение, свидетельствуют некоторые его

персонажей: *Хрычов, Хрущев, Хрущёв, Хрущов*, имя другого — *Артомонов*, пишется то через *а*, то через *о*, а в одном месте от него образовано прилагательное *Аромоновского* — с пропуском буквы *т*..

В зачёркнутом тексте, который начинается так: «Фонарёв неожиданно вдруг разбогател...», где описываются два периода жизни персонажа: когда он разбогател и когда он был ещё бедным, *Фонарёв* пишется то через *а*, то через *о*.. В контексте хармсовской поэтики можно было бы ожидать какой-то зависимости перемены фамилии от периода жизни Фонарёва, однако её там нет.

Черновые автографы содержат зачёркнутые или непрокомментированные фрагменты, «восстановление» которых в отдельных случаях вносит в произведение необходимый смысл. Например, в рассказе без названия, начинающемся репликой «- Пейте уксус, господа...», из-за того, что при публикации не был восстановлен зачёркнутый фрагмент, получилась бессмыслица: на предложение *Шуева* пить уксус *Растопякин* единственный отвечает: «Я не буду пить уксуса». А чуть позже, когда из комнаты выходит *Рывин*, *Шуев* заявляет: «Так. Бунтовщик ушёл». Получается нелепость: бунтовал *Растопякин*, а бунтовщик — *Рывин*? В автографе после слов «Растопякин сказал» зачёркнуто: «Ве-ве-ве-ве-вероятно так это, так это, так это, Шу-шу-шуеву господину Шу-шу-Шуеву ох, так это, ох, так это, ох-охота». Реплика «- Я не буду пить уксуса» идёт следующим абзацем и принадлежит, по задумке автора, очевидно, *Рывину*.

В изданиях Хармса не раз допускались даже своего рода мистические опечатки, в частности, и в именах персонажей. Например, при чтении миниатюры, которая начинается так: «Веля — меня зовут веля...», сначала возникают сомнения в том, что *веля* — имя персонажа, потому что это слово написано со строчной буквы. Далее оно пишется с прописной буквы, однако из смысла произведения не ясно, какого пола этот персонаж¹ и вероятно поэтому в нескольких изданиях мы встречаем вместо реплики Вели «Я не то хотела сказать» её вариант от лица мужского пола: «Я не то хотел сказать».

Интересный случай произошёл с начальным фрагментом текста о Гиммелькумове, который в одном из изданий опубликован следующим образом:

Гиммелькумов смотрел на девушку в противоположном окне. Но девушка в противоположном окне ни разу не посмотрела на Ниммелькумова. «Это она от застенчивости», — подумал Гиммелькумов.

Ф. Кувшинов успешно и вполне обоснованно с точки зрения хармсовской поэтики, опираясь на идею Хармса о трёх элементах, составляющих основу существования, проанализировал этот эпизод и объяснил, что Ним-

---

замечания в записных книжках, в частности, на одном листке мы находим адрес и под ним подпись довольно витиеватым почерком: «Яков Георг Бикетов», а ниже — замечание Хармса: «судя по почерку дурак». Известно также, что Хармс интересовался графологией (ср., например, наличие в одном из его рассказов персонажа-графолога, «чрезвычайно любящего водку»).

¹ Имя Веля существует в реальном ономастиконе как уменьшительное от Авель, Велизарий, Велимир (а), Новелла, Савелла, Эвелина, Ювенилий.

мелькумовым персонаж становится по ту сторону препятствия — когда он видим из противоположного окна девушки. В своём пространстве (далее на протяжении всего текста) он остаётся Гиммелькумовым.¹ Однако анализ рукописи показал, что, что в автографе нет варианта с буквой Н! Исследователь работал с изданием, в котором была опечатка (ошибка?)².

Итак, на мой взгляд необходимо осуществить хотя бы одно издание хармсовского поэтического наследия без редакций и поправок на современную грамматику, где большая часть материала была бы воспроизведена фототипическим способом. К сожалению, даже Полное собрание сочинений под редакцией В. Сажина³ не свободно от неточностей, к тому же принципы дипломатического издания стали применяться в нем не с первого тома. Кроме того, требуются комментарии более подробные, чем имеющиеся в уже существующих собраниях сочинений. А это означает, что исследователям хармсовского творчества пока остается обращаться к рукописям.

---

¹ Кувшинов Ф. К анализу рассказа Д. Хармса «Гиммелькумов смотрел на девушку...» // «Странная» поэзия и «странная» проза: Филологический сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого. Новейшие исследования русской культуры. Вып. 3. — М.: «Пятая страна», 2003. С. 250–258.

² Хармс 2000. С.71.

³ Хармс Д. Полное собрание сочинений. Т. т.1–6. СПб. Академ. проект. 1997–2002.